

Покидая Босбатонс, она всегда испытывала горько-сладкое чувство, хотя и была рада вернуться к своей семье на Рождество - ее любимые праздники, а школа стала для Флер Делакур домом вдали от дома.

За последние четыре года Флёр успела полюбить и возненавидеть это место в равной степени. Здесь хранились самые счастливые воспоминания, самые печальные переживания и самые большие надежды.

Первый год был для нее годом радости и удивления, когда она с головой погрузилась в увлекательное изучение магии. От нее ожидали совершенства, ведь она была Делакур, и она ничуть не разочаровалась. Благодаря огромному таланту и непревзойденной трудовой этике она стала бесспорной лучшей ученицей в своем году, добившись практически идеальных результатов по всем предметам.

У нее появились первые друзья, первые шаги из безопасного родительского гнезда. И как же она сияла в те дни! Теплая улыбка на ее лице, гордость в глазах отца, когда он рассказывал о ее победах, сладкие объятия мамы, когда она рассказывала ей о том, как прошел год; эти мысли не давали утонуть ее сердцу в меланхолии.

Второй год в Босбатоне был еще лучше, круг ее друзей расширился, и она продолжала блистать. Она быстро завоевала репутацию исключительной ученицы, особенно в области чар, которая со временем только росла, несмотря на все перемены.

Это началось на третьем курсе - постепенная потеря популярности, которая в конце концов привела к тому, что девушка растерялась и потеряла всех своих друзей. Она не могла понять причину остракизма, сваливая вину на свою отличную успеваемость или маловероятное отсутствие социальных навыков.

Но дело было не в этом, все попытки сдержаться были бесплодны и только усугубляли проблему. Все, кого она называла своими друзьями, теперь в лучшем случае игнорировали ее или активно враждовали с забывчивой девушкой.

Флер оставалась в неведении до прошлого Рождества, когда по возвращении дорогая мама объяснила ей причину ее несправедливого положения.

Она, конечно, знала о наследии - этому ее учили и объясняли с детства, родители следили за тем, чтобы она гордилась тем, что она Веела, и знала, что кровь в ее жилах не делает ее хуже других ведьм.

Когда она была еще ребенком, то не могла понять причин такой настойчивости родителей. Она смеялась над тем, как мать приставала к ней с уроками и лекциями о том, что нет ничего плохого в том, чтобы быть Веелой, что она не должна ненавидеть эту часть себя.

Теперь же она ненавидела, и как же она была ей за это благодарна.

Она ненавидела этот аспект своей сущности, ее бесило одиночество, которое он ей приносил. Как она могла принять то, что стоило ей всех ее друзей? Какая гордость может быть в таком проклятии?

Однако время лечит все раны, и когда она вернулась на четвертый курс. Она избавилась от надоевшей наивности, освободилась от пут ошибочной ненависти к себе и вернулась сильной, как никогда.

Друг, для которого кровь в жилах и ложь фанатиков были важнее, чем человек, которым она была на самом деле, был ей не нужен. Те, кого она называла друзьями все это время, явно не были достойны этого имени, и поэтому Флер не хотела и не хотела видеть в своей жизни таких людей.

Она шла вперед, жила своей жизнью и сияла ярче, чем когда-либо. Не обращая внимания на нелепых, пускающих слюни мальчишек, которые видели в ней только красивое лицо. Не обращая внимания на завистливых, неуверенных в себе девушек, которых либо снедала ревность, либо они были уверены, что она всего лишь грешное существо, цель жизни которого - соблазнить их парней; чаще всего это было и то, и другое.

Она смотрела вперед, гордо подняв голову. Она знала, кто она, знала, куда идет...

Она была Флёр Делакур: блестящая ведьма, любимая дочь, любящая сестра и гордая вела.

Когда она в последний раз посмотрела в окно своей комнаты на заснеженное великолепие Босбатонса, слегка скрытое растущими на подоконнике наперстянками, её сердце в очередной раз сжалось от боли.

Она чувствовала себя ужасно одинокой.

-BREAK-

Покидая безопасную заколдованную комнату Ровены, Магнус ожидал многого; ведь это добродетель разумных людей - предвидеть возможные неприятности и готовиться к ним.

И хотя его сердце и разум были потрясены эмоциональными американскими горками, которыми была его стычка с легендарным волшебником Дамблдором; момент, который вполне мог закончиться скорой гибелью. Магнус все еще был в состоянии сохранить и стратегическое мышление, и легендарную элегантность - две вещи, которые он очень ценил.

Но он никак не ожидал, что встревоженная МакГонагалл набросится на него с такой скоростью, которую он не ассоциировал с этой женщиной средних лет, и вместо яростной атаки или безжалостной проповеди, которую он мог бы получить от строгой профессорши, которой он так восхищался, он получил лишь тёплые объятия.

В голове помутилось, все мысли и планы улетучились, мальчик не мог понять, что происходит.

Непривычные объятия должны были насторожить его, они должны были вызвать отвращение, они должны были показаться ему ядом, которым они и были на самом деле.

Он ненавидел подобные физические контакты, они всегда напоминали мальчику о не самых приятных днях. Когда он был маленьким и слабым, а неудачи глупцов ставили его в худшее положение.

Но это было не так.

Он наслаждался безопасностью и теплом, которые дарил ему старшая ведьма, отпускал свои вечно напряжённые нервы, освобождался от эмоциональной сумятицы внутри себя, прижимаясь к ней крепче, чем когда-либо.

Это был первый раз, когда кто-то обнимал его после смерти деда, и эта мысль поразила его,

как язвительный ответ Майка Тайсона, но он не мог заставить себя беспокоиться. Он просто наслаждался моментом, не желая позволить этой маленькой передышке ускользнуть от него.

Вторжение Дамблдора в их сознание, зондирование, выходящее за рамки простого пассивного чтения, с которым он мог бы смириться. Несостоятельность Флитвика как его профессора, старосты и нынешнего магического опекуна, приведшего его к тому, что могло бы стать изнасилованием разума, если бы он не был достаточно искусен в Окклюменции. Зеркало Эризеда и мимолетный сон, который оно ему показало.....

Все эти неприятности, боль и безумие могли подождать, в конце концов, он был свободен от неминуемой гибели, которую представлял собой директор школы.

Постоянный риск того, что старый волшебник вторгнется в его мысли, пытаясь определить его моральный облик, как бы лицемерно это ни было, был реальностью. Чем дольше Магнус ждал, чтобы развеять сомнения старика, тем больше вероятность того, что тот попытается применить к нему полную Легилименцию, чему его слабая защита не сможет противостоять.

Он едва различал слова старшей ведьмы, когда она заверяла его в своей поддержке, в том, что она обеспокоена тем, как рискует директор, чтобы разрешить беспочвенные сомнения; даже если она знала лишь малую часть истории.

"Всё будет хорошо, Магнус". МакГонагалл сказала окончательно: "Даю вам слово".

Впервые в жизни он решил поверить ей.

Анимагус отвела его в свой кабинет, где было выпито много чая, а её суровое лицо почти растаяло, пока мальчик рассказывал ей о произошедших событиях. Её эмоции, тщательно контролируемые и тщательно отмеряемые, переходили от беспокойства к недоверию, минуя различные стадии замешательства.

"Подумать только, Альбус мог использовать это на ребенке..." прошептала бледнолицая ведьма, услышав, как он почувствовал ментальный зонд, чужеродное присутствие в своих мыслях, когда директор встретился с ним взглядом.

"Что именно, профессор?" спросила обеспокоенная ученица, и Магнусу не нужно было притворяться. Ведь его беспокойство было вызвано следующими словами преподавателя, выбором, который ей придется сделать.

<http://erolate.com/book/3901/107581>